

Чэн Лан беспокоился, что его появление может смутить «родственников Чэн Лана» или, точнее сказать, «близких Чэн Лана».

Цзян Дун хорошо осознавал себя и понимал, насколько он холоден и нелюдим.

— Не много, — сказал Чэн Лан, — только дедушка, бабушка, ты и я.

— ...

Цзян Дун замер на пару секунд, затем повернулся, чтобы взглянуть на его лицо, и, потеряв дар речи на несколько мгновений, с недоверием спросил:

— Только мы четверо?

— Ага, — кивнул Чэн Лан, сбавил скорость и повернул руль, описывая восьмерку. Кайен выехал с шоссе на ближайшем съезде. — Только мы четверо. Не волнуйся.

Чэн Лан всегда был внимателен, и, если предыдущий вопрос еще не дал ему понять, то сейчас он явно почувствовал дискомфорт Цзян Дуна. Хотя он не знал причины, он вспомнил, как Цзян Дун часто неосознанно проявлял мизантропию и сопротивление к незнакомым людям, и у него зародилось предположение.

Это предположение вызывало у него неприятное чувство и беспокойство.

В его глазах Цзян Дун, несмотря на всю свою взрослость, оставался ребенком.

А ребенок должен быть свободен в своем мире, делать то, что хочет, — дразнить кошек, вызывать раздражение, прогуливать школу, драться и много есть — лишь бы ему было весело.

— А бабушки, дедушки, тети, дяди... — начал Цзян Дун.

Всю дорогу чиж в клетке на заднем сидении был тих, лишь изредка издавая легкие шорохи. Если бы Цзян Дун специально не заглянул под ткань, он бы подумал, что птица скончалась в расцвете лет.

— Ты купил чижа для дедушки...?

К этому моменту Кайен уже проехал пять-шесть километров по извилистой дороге. Асфальт сменился ухабистой грунтовкой, и даже мастерство Чэн Лана не могло избежать всех ям.

Машину трясло, и, хотя Цзян Дун держался стойко, Чэн Лан, как водитель, начал чувствовать головную боль.

— Дедушка — это дедушка, а бабушка — это бабушка, — спокойно сказал он, пока машина продолжала трястись.

Цзян Дун задумался на пару секунд, а затем выпалил:

— А твои родители...

Он хотел спросить, работают ли они где-то в другом месте, но Чэн Лан перебил его, сказав прямо:

— Они умерли.

— ...

Цзян Дун проглотил оставшиеся слова. Его обычно острый ум застыл на добрые десять секунд.

Куда? Умерли? Что значит «умерли»...

— Прости.

Словно сигнал внезапно появился, первое, что пришло ему в голову, были эти слова.

Сказав их, он сам удивился.

Эти слова звучали так странно...

Когда я вообще говорил «прости»? Кажется, никогда.

К тому времени, как Кайен, трясась, въехал в деревню и остановился перед одним из домов, Цзян Дун все еще не мог прийти в себя.

Окно рядом с ним постучали. Он инстинктивно повернулся и, увидев что-то, резко отпрянул назад, врезавшись в Чэн Лана, который как раз отстегивал ремень безопасности.

— Эй, ты расстроился? Зачем врезаться? — услышал он расслабленный голос Чэн Лана.

Цзян Дун, даже не оборачиваясь, знал, что Чэн Лан сейчас улыбается. Взглянув на старика за окном, с морщинистым лицом, седыми волосами и двумя тонкими шрамами на лбу, его сердце постепенно успокоилось.

Он хотел спросить, видел ли Чэн Лан этого старика с хитрой улыбкой, но в этот момент голос

Чэн Лана снова зазвучал в его ушах.

Окно со стороны пассажира опустилось, и Чэн Лан, улыбаясь, сказал человеку, который казался Цзян Дуну особенно зловецим:

— Чего ты сделал? Напугал ребенка, теперь плати компенсацию!

— Мои родители были сиротами, они выросли в приюте на окраине города Сянчжан. Они с детства были очень умными и симпатичными, и директор приюта часто удивлялся, почему таких замечательных детей бросили у ворот. Если бы они были младше, их бы, несомненно, усыновили, но, к сожалению, они попали в приют уже в семь-восемь лет, когда уже все помнили, и были слишком взрослыми для усыновления. Они оказались в приюте один за другим и сначала были очень замкнуты, считая других детей глупыми и недостойными их внимания. Они, вероятно, знали, как оказались в приюте, и поэтому долгое время держались вместе, как два полюса магнита. Они вместе ели, спали и учились, и, если бы не понимание различий между мальчиками и девочками, они бы, возможно, даже вместе мылись...

Чэн Лан сидел рядом с Цзян Дуном на старом бетонном трубопроводе, который был достаточно большим, чтобы не упасть. Ноги висели в воздухе, до земли оставалось меньше полуметра. Прежде чем Чэн Лан заговорил, они уже давно сидели там.

Цзян Дун не знал, почему Чэн Лан вдруг начал рассказывать ему это. Они пришли сюда, чтобы показать ему деревню, где вырос Чэн Лан, но в какой-то момент, устав от ходьбы, они сели на этот трубопровод.

Цзян Дун опустил глаза на пожелтевшую траву под ногами, болтая ногами в воздухе. Позади них стояла заброшенная фабрика полотенец, ветхая и унылая. Солнце, уже близко к закату, окрашивало небо в бледно-розовые и светло-красные оттенки, создавая призрачное сияние, которое окутывало разрушенные стены фабрики, словно даруя им последний луч надежды.

Сиденье уже пропиталось холодом бетона, и это ощущение было неприятным, как будто ты обмочился и стоишь на холодном ветру.

Но, взглянув на Чэн Лана, Цзян Дун увидел, что его лицо было необычно спокойным, и в его глазах не было ни намека на эмоции, словно он рассказывал о чужой жизни.

Цзян Дун никак не ожидал, что услышит эту историю из уст самого Чэн Лана.

Чэн Лан был джентльменом, мягким и приятным, всегда одетым с иголки. Даже изгиб его волос и глубина его глаз напоминали Цзян Дуну, насколько этот человек был недосягаем.

Они были из разных миров.

Какое-то время Цзян Дун очень хотел узнать, кто были родители Чэн Лана, или какая семья

могла воспитать такого человека.

Это было странное чувство, которое Цзян Дун не мог понять.

«Это был человек, к которому он хотел быть ближе».

Хотел быть его другом.

— А что было потом? — спокойно спросил Цзян Дун.

— Потом все шло гладко до самой их смерти. Они вместе учились, поступали в престижные университеты, работали, женились, завели ребенка... и умерли.

Ладонь Чэн Лана все это время лежала на бетонной трубе. Закончив говорить, он убрал руку, положил ее на колено и слегка сжал. Его ладонь, и так бледная, теперь была покрыта пылью, что делало ее еще более бледной. Когда пальцы касались ладони, ощущение было похоже на прикосновение к матовому стеклу, шероховатому и сухому, а линии на ладони напоминали трещины на разбитом стекле.

Цзян Дун смотрел на его ладонь, губы слегка приоткрылись, но он так и не спросил, что произошло дальше.

— ... Подожди.

— Твои родители были сиротами, а бабушка с дедушкой...?

Разве их усыновили? Как это возможно?

Цзян Дун совсем недавно видел этих двоих, и они явно привыкли к деревенской жизни, вряд ли часто бывали в городе. Как они вообще познакомились?

Что здесь произошло?

Цзян Дун заинтересовался.

Он посмотрел на Чэн Лана и вдруг заметил, как его выражение лица изменилось, сменяя печаль и сложные эмоции, но почти мгновенно вернувшись к спокойствию. Если бы Цзян Дун не повернулся к нему, он бы никогда не заметил этого странного поведения.

— ...Что случилось, Чэн Лан? — с напряжением спросил он.

Помолчав еще немного, Чэн Лан заговорил тихим, хриплым голосом:

— Мои родители умерли, когда я учился в начальной школе, мне было всего десять. Ты тогда, наверное, даже ходить толком не умел, поэтому вряд ли видел эту новость.

Он повернулся к Цзян Дуну, взгляд стал рассеянным, и через мгновение он тихо усмехнулся.

— Нечего скрывать, ты можешь знать, это просто история... Интересно?

Можешь сохранить это в тайне?

<http://bllate.org/book/15499/1374886>